

ЛІТЕРАТУРА

1. Бойко Л. С. Нарис / Л. С. Бойко // УЛЕ. – К. : Укр. енциклопедія, 1995. – Т. 3. – С. 455.
2. Гуменна Д. Багато неба / Д. Гуменна. – Нью-Йорк : Об'єднання Українських Письменників «Слово», 1954. – 236 с.
3. Гуменна Д. Вічні вогні Алберти: Нариси / Д. Гуменна. – Едмонтон, Алберта : Видано заходом Петра А. Пауша, 1959. – 185 с.
4. Сорока П. Докія Гуменна. Літературний портрет. До 100-ліття з Дня народження письменниці / П. Сорока. – Тернопіль : Арій, 2003. – 496 с.

Стаття надійшла до редакції 15 січня 2013 року

УДК 81.162.3+811.161.1

*Йиржі Коростенски
(г. Пльзень, Чехія)*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ АДЪЕКТИВНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ (ЧЕШСКО-РУССКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ)

Проблематика розуміння просторових відносин у мові і мисленні завжди належала до важливих і водночас складних питань мовознавства. Поєднання параметричних прикметників із предметними іменниками організована в антонімічних відношеннях. Регулярність їх використання у більшості випадків пов'язана з когнітивним розумінням ЯКМ. Автор у конкретному аналізі поєднання прикметників із предметними іменниками топологічного типу „стержень” доводить регулярність колокацій з параметричними прикметниками у межах однієї мови.

Ключові слова: просторові відносини, параметричні прикметники, сполучуваність, антонімічність, когнітивність, предметні об'єкти, прототипи, іменники, регулярність, колокації.

Проблематика понимания пространственных отношений в языке и мышлении всегда принадлежала к важным и одновременно сложным вопросам языкознания. Сочетаемость параметрических прилагательных с предметными существительными организована в антонимических отношениях. Регулярность их использования во многом связана с когнитивным пониманием ЯКМ. Автор в конкретном анализе сочетаемости прилагательных с предметными существительными топологического типа ‚стержень‘ подтверждает регулярность коллокаций с параметрическими прилагательными в рамках одного языка.

Ключевые слова: *пространственные отношения, параметрические прилагательные, сочетаемость, антонимичность, когнитивность, ЯКМ, предметные объекты, прототипы, существительные, регулярность, коллокации.*

The problem of understanding spatial relations in the language and thinking has always belonged to the important but as well as complicated problems within linguistics. The connectivity of adjectives of space with nouns of object is organized in antonymic relations. The regularity of the usage has much in common with the cognitive approach to the linguistic image of the world. The author proves the regularity of collocations of the typologic type “stick“ with the adjectives of space within one language and he does it upon the base of his own analysis. Czech-

Key words: *spatial relations, adjectives of space, connectivity, antonymity, cognitive approach, linguistic image of world, nouns of subject, prototypes, regularity, collocations.*

Основу отношений в области параметров составляют на уровне лексики прежде всего прилагательные размера, организованные в антонимические комплексы. Анализ сочетаемости избранных прилагательных с предметными существительными важен с нашей точки зрения и потому, что основные понятия пространства принадлежат согласно мнению лингвистов к тем немногим буквально воспринимаемым понятиям, посредством которых воспринимаем окружающий мир [1, с. 128]; [3, с. 48]. Такими первичными квантификаторами пространства являются местоименные наречия, напр. *kde, kam, odkud, nahoře, dole* и т.п. На более низкой ступени конкретный языковой материал осложняется разными влияниями, причем их сила и интенсивность меняется в зависимости от включения словосочетаний в определенный контекст.

Материал, демонстрирующий разные типы словосочетаний прилагательных размера с предметными существительными разных *топологических типов*, собран из разных источников. В нашей статье анализировался материал публицистических текстов и проверенный ответами информантов. Осуществлялись и выборки из чешских и русских толковых, идеографических словарей и словарей сочетаемости [10]. Лишь небольшая доля использованного материала приходится на источники Интернета поисковых систем Яндекс, Гугле и Рамблер.

Прилагательные размера *глубокий* х *мелкий*, *высокий* х *низкий*, *широкий* х *узкий*, *большой* х *маленький*, *длинный* х *короткий* вместе с прилагательными ‚расстояния‘, напр. *далекий* (*отдаленный*) х *близкий* были пополнены из-за проверки семантики средним членом антонимичной цепи, которая в русском языке выражена с помощью отрицательной частицы **не**. В данном случае говорим о прилагательных отрицания (*неглубокий*, *немелкий*, *невысокий*, *ненизкий*, *неширокий*, *неузкий*, *небольшой*, *немаленький*, *недлинный*, *некороткий* *недалекий*, *неблизкий*).

Топологические типы и описание пространства

Если оставить в стороне научное или мифологическое понимание пространства, то наиболее разрабатываемой моделью пространства является «стандартно-бытовое» пространство, как описано в произведениях Топорова [11].

Процесс вербализации регулируется общепризнанными конструктивными факторами. К ним принадлежат, как правило, преимущественно: визуальная перцепция пространства, его наполненность разными предметными объектами с разной пространственной ориентацией [6, с. 42], функциональными отношениями, создающими языковую картину последних. Имеются в виду такие параметры, как размер, степень подвижности, способность выступать опорой [8]. Поэтому форма, размер и цвет предметного объекта являются главными параметрами, выявление которых вместе с удачным описанием их функционального заряда создает в окончательном этапе любое пространство.

Сам характер языка предполагает в ходе вербализации «упрощение» формальной структуры отдельных предметных объектов. Понятие, связанное с конкретными названиями предметных объектов, отличается определенным набором черт, комплексный характер которых зависит в основном от их схематизации. Последняя, в свою очередь, связана с двумя отличающимися друг от друга механизмами упрощения: *идеализацией* и *абстракцией*. В процессе идеализации выделяются и подчеркиваются у конкретных представителей определенного типа объектов признаки, совокупность которых создает *схему*, в то время как абстракция «отбрасывает» и исключает ненужное с точки зрения создания схемы [7, с. 2].

Как уже неоднократно упоминалось в литературе когнитивного направления, форма предметного объекта является лишь частью *фрейма / концепта* [4, с. 110], который представлен на вербальном уровне словом. ‚Форма‘ также отличается от ‚топологического типа‘ объекта, каким является напр. ‚вместилище‘, ‚стержень‘, ‚пластина‘, ‚веревка‘ и т.п. [7, с. 3].

Последний, как скрытая категория во многих языках, проявляется в ограничениях на употребление с именами объектов данного типа пространственных предлогов или прилагательных размера [9, с. 59]. Интересен и тот факт, что топологический тип не полностью детерминируется формой объекта, хотя из формы предметного объекта в ходе процесса абстракции отбираются существенные для создания определенного топологического типа черты, напр. ‚протяженность‘, ‚округленность‘, ‚плоскость‘ и т.п. Но эти два понятия нельзя смешивать. Так напр. протяженные предметы могут быть и двухмерными (полоса, штанина), и трехмерными (труба, вышка), *поле* воспринимают и как ‚пластину‘ (*Как выращивают газон на футбольном поле?*), и как ‚вместилище‘ (*работать в поле; возвращаться из поля*).

В нашем случае будем рассматривать концепт формы в самасиологическом аспекте: от знака к концепту. Посредством формы слова данный объект относится к определенному топологическому типу (концепту): ‚стержень‘, ‚отверстие‘ и др., причем на сопоставительном чешско-русском материале

подвергаются исследованию сходства и различия одних и тех же слов, воплощающихся в предположительно одинаковых топологических типах.

Прототипический ,стержень‘

Если детально анализировать отобранный материал с учетом функционирования топологического типа, то можно прийти к следующим выводам квантификации. Весь материал можно распределить в две основные группы: ***прототипические*** и ***непрототипические*** названия предметных объектов. В группу прототипических названий предметных имен следует отнести *стержень – tuč, копьё – kopí, игла – jehla, карандаш – tužka, шариковая ручка – kuličkové pero, кол – kůl, шест – bidlo, столб – sloup*. Последние обладают довольно однородными геометрическими характеристиками. Вместе с канонической ориентацией и некоторыми когнитивными характеристиками исследуемого объекта практически полностью определяют сочетаемость с прилагательными размера. В зависимости от вертикально-горизонтальной ориентации меняется в данной группе лишь сочетаемость тех прилагательных, которые носят характеристику конкретного топологического типа: *большой – velký, маленький / малый – malý, длинный – dlouhý, короткий – krátký, высокий – vysoký, низкий – nízký, глубокий – hluboký, мелкий – mělký, толстый / сильный – tlustý / silný, тонкий / слабый – tenký / slabý*.

В целом прототипический стержень в чешском и русском языках отличается довольно однородной характеристикой размеров, что проявляется и на межъязыковом уровне незначительными отличиями в сочетаниях существительных данного топологического типа с прилагательными рамера.

Непрототипический ,стержень‘

Словосочетания в рамках топологического типа ,стержень‘с *длинный / dlouhý* x *короткий / krátký* типичны почти для всех исследуемых предметных существительных: *dlouhé* x *krátké hrábě, lopata, meč, puška, činka, lžíce, koště, kartáč*. Исключением являются или случаи с жесткой канонической ориентацией, или с ограниченной вариантностью указанного размера. Такой

«дефектностью» из исследуемых существительных отличается в чешском лишь *smeták* → *dlouhý smeták*. Дальнейшее укорочение «длины» в данном случае изменило бы качество инструмента и возник бы функционально другой инструмент *smetáček*. С ним работают лишь на корточках и подметают ссор в *savok*. В нашей группе непрототипических «стержней» не встречаются случаи жесткой вертикальной ориентации, тем не менее, наряду с горизонтальным размером можно найти специальные контексты, в которых употребление вертикального размера допустимо, ср. напр.: *Můj skoronevěřící tatínek se obrátil, když viděl kněze, který nenechal babky čistit okna chrámu s vysokými košťaty samotné, to se k němu připojil a bylo...“; vysoký smeták s lopatkou*. Ясно, что употребление словосочетаний с лексемой **высокий** связано, как правило, с переносными значениями (употреблениями) данных предметов. Нестабильность (оказиональность) подобных словосочетаний подчеркивается также отсутствием словосочетаний с антонимичной парой с *nízký / низкий*.

В представленном нами наборе непрототипических предметных объектов, как *винтовка – puška, меч – meč, грабли – hrábě, штанга – činka, ложка – lžíce, лопата – lopata, щетка – kartáč, веник – koště / smeták, копье – kopí / oštěp* антонимическая пара *длинный / dlouhý – короткий / krátký* образует со всеми перечисленными существительными стабильные словосочетания. В исследуемом корпусе предметных субъектов не находятся названия, обозначающие вертикальную каноническую ориентацию предметов, поэтому можно наблюдать довольно разнородную сочетаемость с антонимической парой *высокий x низкий (невысокий)* и *глубокий x мелкий*. Сочетаемость с указанными прилагательными сильно ограничена. В корпусе русских существительных словосочетания с прилагательными встречаются не в роли прямого измерения предметных существительных, а исключительно во вторичных и переносных значениях: **Высокая** *штанга позволяет выполнять упражнения тренирующему любого роста» (находящийся на большой высоте предметный объект); ложка столовая глубокая состоит из 3 – x частей: черпало, держало и соединяющаяся перемычка»*

(,вертикальное измерение черпала'). Площадку под газон прополоть, выровнять, еще раз пройти мелкими граблями (с густыми зубьями').

Чешские прилагательные размера вертикальной канонической ориентации сочетаются с существительными *копье / kopí / oštěp* (... *stojí vysoký masajský pastevec na jedné noze, druhou má pokrčenou v koleně jako čáp, opírá se o vysoké kopí a dívá se zamyšleně k obzoru. ...; koště (zdatně jim sekundovalo 2, 9 m vysoké koště White widow, jejíž květ,ty kytky jsi měl zastříhnout, takhle z toho vyrostou vysoký smetáky,...* Прилагательные размера *широкий / široký* x *узкий / úzký*; *толстый / tlustý / silný* x *тонкий / tenký / slabý* в сочетаниях с указанной группой непрототипических стержней, без твердой канонической ориентации, встречаются в регулярных словосочетаниях, причем параллелизм прилагательных *толстый / tlustý* и *широкий / široký*, *тонкий / tenký* и *узкий / úzký* в рамках одного и того же предметного объекта обозначают разные его части и придают ему особую форму. Напр. *широкое копье* x *толстое копье*, где первое словосочетание с прилагательным *широкий / široký* x *узкий / úzký* обозначает плоскую или многогранную колющую / секущую рабочую часть оружия и второе словосочетание с прилагательным *толстое / тонкое* обозначает древковую часть с округленной формой. Практически полный параллелизм можно наблюдать в чешских словосочетаниях, напр. ...*dlouhé a široké kopí používali Keltové, úzké kopí s protipancéřovým hrotem, V onom turnaji tlustým kopím i silným, Ti bojovníci s tenkým kopím se netváří moc přátelsky.* Синонимами здесь выступают *tlustý / silný* x *tenký / slabý*, но в их случае форма уже не определяется. Тем не менее видоизмененный род *копья*, в чешском *oštěp*, следует отнести к прототипическому ,стержню'. Вариантов с лексемами *tlustý / široký* x *tenký / úzký* не наблюдается, ср. напр. *muži opření o tenké dlouhé oštěpy*, так как прототипический стержень обладает однородной внутренне нечленимой формой.

Если в существительном, относящемся к топологическому типу ,стержень' можно выделить функционально значимую рабочую часть, то прилагательное размера *широкий* выделяет

именно ее на фоне однозначных в данном случае лексем *длинный* х *короткий*. Так в словосочетании *широкое копьё* обозначает именно размер колющей части, которая является ‚рабочей‘ по отношению к ‚служебной‘ части древка. Но с функциональной точки зрения самой широкой не всегда бывает чисто геометрическая ширина. Так напр. под словосочетанием *широкий меч* понимается клинок, то есть та часть, которая является колющей и секущей, а не действительно самая широкая часть – *гарда*, которая создает защиту рук. Она и является с чисто геометрической точки зрения доминантой, но в языковой картине топологического типа размером «не обладает». Соответственно словосочетание *толстый меч* обозначает своеобразно округленную форму его клинка, который типичен для японского самурайского меча.

На основе представленного чешско-русского материала можно утверждать, что понятийная структура прототипического ‚стержня‘ с точки зрения чешско-русского сопоставления во многом сходится, о чем свидетельствуют многочисленные совпадения словосочетаний чешских и русских прилагательных с существительными топологического типа ‚стержень‘, именно в сфере конституирующих данный топологический тип, ср. напр.: *длинный* х *недлинный* х *короткий*; *высокий* х *невысокий* х *низкий*; *толстый* х *нетолстый* х *тонкий*; *широкий* х *неширокий* х *узкий*.

Употребление всех остальных в словосочетаниях прилагательных носит с точки зрения топологического типа ‚стержень‘ лишь дополнительный характер. Отличия наблюдаются в сопоставлениях словосочетаний прототипических и непрототипических существительных с прилагательными размера. Больше возможностей употребления данных прилагательных представляют собой несомненно переносные значения, что не входило в рамки нашей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Běličová-Křížková H. K systému prostorových vztahů vztahů v současných slovanských jazycích. *Slavia*, 47, 1978, č.2, s. 122–144.

2. Haller, J. Český slovník věcný a synonymický. Praha 1969 d. I, 1974 d. II, 1977 d. III.
3. Lakoff, G. – Johnson, M.: *Metafory, kterými žijeme*. Brno 2002.
4. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура : Когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2006. – 188 с.
5. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка / О. С. Баранов. – Москва : Издательство ЭТС, 1995. – 820 с.
6. Ильин Г. М. Система «Рисунок-текст» / Ильин Г. М., Игнатова В. Н // Программные продукты и системы. –1992. – № 2. – С. 48–53.
7. Кобозева И. М. Грамматика описания пространства / И. М. Кобозева // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 152–162.
8. Кобозева И. М. Представление знаний о физических объектах для систем типа «Рисунок – Текст» / И. М. Кобозева // Категоризация мира: пространство и время. – Материалы конференции. – Москва : МГУ, 1997. – С. 117–123.
9. Рахилина Е. В. Семантика размера / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. – 1995. – Вып. 34. – С. 58–81.
10. Словарь сочетаемости слов русского языка: Около 2500 словарных статей / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина ; Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина. – М. : Русский язык, 1983 – 688 с.
11. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. топоров // Текст : семантика и структура : [Сб. ст. / отв. ред. Т. В. Цивьян]. – М. : Наука, 1983. – С. 227–285.

Стаття надійшла до редакції 25 січня 2013 року